

Исакова Юлия
ТАЙНЫ МЕРТВЕЦОВ,
или НОВАЯ ИСТОРИЯ

18+

Юлия Исакова

Тайны мертвецов, или Новая история

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51851520

SelfPub; 2024

ISBN 978-5-532-94778-8

Аннотация

XX век. Англия между войнами. Ничего не подозревающие люди прибывают на остров, в мрачный и уединённый замок. Их пригласили мистер и миссис Джастис, но встретили только дворецкий с женой. Вдруг гости понимают, что некто знает их секреты. А тайна тайне рознь. В былом двое гостей любили друг друга. Но как же теперь, после того, что случилось, они могут быть вместе? Между ними пропасть. Для развлечения гости играли в «Убийцу» – и можно ли было представить, что игра внезапно станет реальностью?

Содержание

Глава I. Чёртова дюжина	4
Глава II. Не судите	22
Глава III. Знает кошка	38
Глава IV. Даже слуги	55
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Юлия Исакова

Тайны мертвецов, или Новая история

Глава I. Чёртова дюжина

Скелеты в шкафу иногда вылезают оттуда и душат того, кто их спрятал. Или же режут его.

Остров... Малый кусочек земли, и вокруг лишь мятежное море, холодное и безучастное. Он окутан туманом. А на вершине скалы над обрывом на острове возвышается старый готический замок, достойный стать домом самого графа Дракулы, разрезающий острыми шпильями серое, хмурое небо. Неприветливо, даже враждебно взирают горгульи с клыками и крыльями в нишах у окна-розы.

Мёртвая тишина. Нарушает её лишь зловещее карканье чёрного ворона, под которое к острову пристаёт лодка. В лодке же – старый моряк Уотсон и одиннадцать его пассажиров.

С обеих сторон палубы расположены широкие скамейки. На них устроились три женщины (две юные и пожилая), и восемь мужчин: шесть молодых, один средних лет, один старый, седовласый, выглядит как джентльмен. Нос у него

крючковатый. Светлые, почти бесцветные глаза полны насмешки.

Зовут джентльмена Лоуренс Гилсон. Ему пятьдесят пять. На мистере Гилсоне белый костюм, такого же цвета и шляпа. Морщинистые руки обтянуты перчатками. С ехидной усмешкой на тонких губах смотрит он на своих спутников, будто бы оценивает их, старается понять, что они из себя представляют. Его пристальному взгляду, увы, недостаёт доброжелательности. В прошлом мистер Гилсон инспектор Скотланд-Ярда, ныне – частный детектив.

Эдгар Фейбер – журналист в газете «Таймс» – от нетерпения то и дело вскакивает, жадно всматриваясь вдаль. Честное слово, ему повезло просто невероятно! Ведь остров не сходил со страниц газет, но кто таинственный последний покупатель? Доныне оставалось лишь гадать. И вдруг он, Фейбер, получает отличную возможность! Он своими глазами увидит и замок, и остров, а ещё мистер Джастис обещал интервью! Загадочный владелец острова решил открыться именно ему, он, Эдгар Фейбер, будет первым, кто напишет о нём! Нет, это просто невероятная удача!

Эванджелина Далтон – пожилая дама с высокомерною осанкой и холодным, леденящим душу взглядом нефритово-зелёных глаз. Глаз, в которых отражаются непоколебимое сознание своей праведности и незыблемое чувство пре-

восходства над всеми остальными. Её губы сердито поджаты, седые волосы обрамляют голову как будто корона. Сидит Эванджелина Далтон прямо, точно палку проглотив. В семье, в которой она выросла, с детства говорили: леди не должна позволять себе сутулиться, это неприлично. Вместо бус на шее дамы – чётки.

Одета она в целомудренное чёрное платье под горло. Руки, разумеется, тоже полностью прикрыты, ведь не подобает леди, тем более в её возрасте, выглядеть вульгарно. Нынче ведь молодёжь одевается так, что смотреть даже стыдно! Девушки скорее уж раздеты, чем одеты, нисколько не стесняются показывать себя в том виде, в каком их сотворил Господь. Обнажают и руки, и плечи, и спины, даже грудь, прости Господи! Право, стыда у них нет ни капли. А у некоторых девиц и вовсе никакого представления о морали. Ложатся в постель и беременеют без свадьбы.

Тут мисс Далтон переводит взгляд на присутствующих девушек.

Длинные тёмные локоны юной Амелии Миллер треплет безжалостный ветер. Она очаровательна, ей к лицу это платье из шёлка, украшенное цветами и кружевом. Губы мисс Миллер, подобные лепесткам алых роз, изгибает улыбка: старый замок у моря, ах, можно ли представить место романтичней! А как оно будет выглядеть в лунном свете! Томен, мечтателен взор её серых, словно надгробные камни, очей,

лилейные руки с длинными тонкими пальцами сжимают том Байрона.

На миг закрыв глаза, мисс Миллер тотчас погружается в безбрежный океан воспоминаний. Она любила, но любовь принесла ей только лишь мучения. Милый сердцу Уильям предпочёл ей её лучшую подругу и ушёл. Элинор вот-вот утонет, она кричит, зовёт её, Амелию, на помощь... Нет, эта дрянь не стоит, чтобы сожалеть о ней!

Артур не сводит глаз с Анджелы Эванс: золотые лепестки волос, небесно-голубые умные глаза, оправленные длинными тёмными ресницами, коралловые губы, кожа млечной белизны, стройная фигура – всё в ней очаровывает.

Она снова появилась в его жизни. Та, кого он не должен любить. Анджела принесла ему только страдания и не достойна даже того, чтобы он думал о ней. Нельзя поддаваться чувствам. Прошлое навечно миновало. Если бы он мог себе представить, что она способна совершить такое, то никогда в жизни не полюбил бы её. Есть вещи, которые нельзя прощать, к примеру, предательство и убийство. Тем более убийство ребёнка.

Артур любил Генри – своего маленького племянника. Да, сначала Артур, безусловно, был несколько расстроен. Конечно, немного обидно, когда появляется шанс стать богатым, а ты упускаешь его. Но Генри был славный мальчик! Объясняя своё положение Анджеле, Артур не мог ожидать

того, что случилось! Не мог вообразить, что ей хотя бы на одно мгновение захочется решить проблему настолько страшным способом. А самое ужасное для Артура, что на преступление Анджела пошла из-за него; по его вине любимая стала убийцей.

«Ох, Анджела, – думает Артур, – как бы я хотел верить тебе! Если бы я мог быть уверен, что ты невиновна, если бы ты могла доказать, что Генри действительно погиб случайно! Только это невозможно. Мы не можем быть вместе. Господи, как я хочу и как не хочу видеть тебя!»

Он не хочет и не может быть с Анджелой. И дело здесь даже не в том, что он не сумеет простить. Не в том, кем бы он был, извинив смерть племянника. Ведь простить Анджелу было бы несправедливо. Это означало бы дать ей то, для чего она пошла на убийство. Вместо заслуженного наказания Анджела бы получила желаемое, добилась своего. Даже если представить, что она невиновна, может ли он доверять ей после того, что случилось?

Господи, зачем он не последовал за ней тогда? Почему не обнял, не утешил, не сказал ей, что всё будет хорошо? Что свадьба только лишь отложена, что он обязательно придумает, как заработать денег для женитьбы? Тогда Генри был бы жив!

Анджела смотрит на Артура и борется с желанием обнять его, осыпать поцелуями. Она не должна любить Артура. По-

сле того, как он так оскорбил её? Разве он не разбил её сердце беспощадным предательством? Она тогда больше всего нуждалась в любви и поддержке, а он бросил её. Поступил бесчестно и жестоко. Воспоминание о страшном разговоре терзает её сердце до сих пор. Анджела, конечно, не ждала сочувствия, но любимый обвинил её в убийстве!

А ведь у неё нет ни малейшего сомнения, что Артур был искренен, когда говорил о любви. Однако жениться не мог. Сказал, что не дерзает, не решается просить её руки, поскольку беден. А ещё, что получил бы наследство, если бы у миссис Андерсон – его невестки и матери Генри – родилась девочка, а не мальчик.

«Вот это да! Ура, он здесь, я снова его вижу! – думает она, ей трудно сидеть на месте. Радость во взгляде сменяется болью, отчаяньем, гневом. – Нет, всё равно я злюсь на этого болвана! Любит ли он меня? Даже если любит, то хочет избавиться от этой любви. Боже мой, ведь решение расстаться наверняка было мучительным и для него! Так, дорогая, держи себя в руках. То, что вы снова встретились, не значит, будто в ваших отношениях теперь что-то изменится. Пусть не воображает, что я буду вешаться ему на шею. Выкинь глупые мечты из головы. Если позволишь себе надеяться, будет только больнее видеть, что он по-прежнему холоден и считает тебя убийцей. Боже, как подумаю, что нам снова придётся расстаться... Но я должна это выдержать. И всё же... Если бы он захотел помириться, если бы всё ещё любил меня... Я

бы многое за это отдала».

Черноволосый, высокий Чарльз Саймон красив, но во всём его облике есть нечто хищное. Загар явно получил не в Англии.

«Рассудительная, умная, насмешливая, – думает он, глядя на Анджелу Эванс. – Такая вот не потеряет головы, что бы ни случилось. И хорошенькая. Стоп. Только не вздумай влюбиться. Тебе такие глупости вовсе ни к чему».

Осенью Мередиту Макадаму исполнится сорок два года. Должно было исполниться. Полноватый и круглолицый, с тёмными волосами и добродушными маленькими глазами, он всем своим обликом напоминает медведя. Немного даже косолапит при ходьбе.

Бенджамин и Дэвид – старые друзья мистера Макадама. Он будет рад встретить их. Безгранично рад. Когда он видел их в последний раз? Давно, очень давно, когда ещё была жива его дочь. Тут сердце мистера Макадама, пронзённое воспоминаньями, сжимается от боли. Ведь он же не хотел, ни сколько не хотел, чтобы так получилось.

– С вашего позволения, дамы и господа, я хотел бы представиться. Меня зовут Лоуренс Гилсон, – говорит детектив. После представляется Ланселот Блэр – молодой художник, за ним и остальные.

– Вы, милочка, наверное, родственница хозяев этого замка? – обращается мисс Далтон к Анджеле.

– Вовсе нет, мисс Далтон, – отвечает та. – Я новый секретарь.

– Стало быть, всего лишь секретарь. Должна признать, вы кажетесь настоящей леди, – снисходительно произносит мисс Далтон, видимо, воображая, что Анджела Эванс должна принять это за комплимент.

– Благодарю вас, мисс Далтон, – та беззлобно усмехается. – О вас я могу сказать то же самое.

Ведь в её словах нет ничего обидного?

– Однако этот остров весьма далеко от суши. И полагаю, в дурную погоду сюда, должно быть, трудно причалить, – замечает мистер Гилсон.

– Да что вы, сэр, когда на море шторм, здесь не пришвартуешься никак, – отзывается моряк. – Остров изолируется от суши на несколько дней.

– Боюсь, как бы не начался дождь, – произносит Амелия Миллер.

– Да, мадемуазель Миллер, – соглашается с ней молодой доктор Эдуард Картер, – будет нехорошо, если погода испортится.

Он поправляет на носу очки, без которых видит очень скверно, вытирает капли моря, брызнувшие на высокий лоб.

Обращение «мадемуазель» удивляет мисс Миллер.

– Вы, наверно, француз? – спрашивает она.

– Э... нет, но моя мать была родом из Франции, – отвечает ей Картер.

– Была? О, тысяча извинений! – конфузится мисс Миллер.

– Что вы! Будет вам смущаться, это было давно и неправда. Я почти и не помню о ней.

Отца доктор Эдуард Картер и вовсе не помнит. Тот ушёл из семьи. Мать о нём говорила нечасто, а Эдуард лишний раз не расспрашивал. Ему было лишь семь, когда мать умерла. Эдуард оказался в приюте.

Пассажиры высаживаются на берег и следуют к замку. Их встречает дворецкий – элегантно одетый мужчина среднего возраста, всем своим видом выражающий почтение гостям. Вот только он похож на инквизитора, у него холодный злобный взгляд. Мужчину зовут Ричард Рассел. Рядом с ним его жена Эмма.

– Эмма, – злобно шепчет Рассел жене, – надеюсь, всё готово к приёму гостей? Смотри у меня! – Он сжимает руки в кулаки. В тоне его явственно слышны угрожающие нотки.

– Да-да, конечно, дорогой, – кротко отвечает миссис Рассел, запуганно глядя на мужа. Как всегда, она само смирение.

Вдруг среди гостей женщина замечает *его*, того самого Джорджа Стивена. Глаза её вспыхивают недобрым огнём.

– Здравствуйте, дамы и господа, – говорит гостям Рассел. – Не изволите ли следовать за мной?

– Рассел, вы? – Эванджелина Далтон безмерно удивляется

встрече со знакомым дворецким.

– Да, мэм, – почтительно отзывается тот.

– И ваша жена тоже здесь? Вот уж не ожидала, что вы окажетесь тут!

– Да, мэм, мир тесен.

Все поднимаются по горной дороге, что извивается словно змея, входят в замок, и тьма поглощает их. Проникает ли хоть единый луч солнца сквозь эти окна с чёрными стёклами? О нет, мрак озарён единственно свечами в напольных красных канделябрах, в старинных люстрах на массивных позолоченных цепях на крестовом своде потолков. Злобно оскалены волчьи клыки ледяной атмосферы. В гробовой тишине, которая давит могильной плитой, кровавые реки ковров топят звуки шагов. Вошедшие не замечают, как чёрные тени безмолвно преследуют их. Остекленевшими глазами недружелюбно смотрят на гостей отрубленные головы животных: волков, лисиц, оленей и других – с одной из стен, конечно.

– Я бы хотела сначала познакомиться с моей хозяйкой, – говорит Анджела.

– Простите, мисс, но это невозможно. Миссис Джастис ещё не приехала, – отвечает миссис Рассел.

– К сожалению, – объявляет дворецкий, – мистер и миссис Джастис прибудут только завтра. Нам с женой поручено выполнять все пожелания гостей. Моя жена Эмма проводит вас всех в ваши комнаты. Обед будет подан ровно в восемь.

Следуя за миссис Рассел, Анджела поднимается на второй этаж и проходит в свою комнату, в которой, как ни странно, в окне обычное, прозрачное стекло.

– Миссис Рассел, – молвит Анджела, – отчего здесь так темно и мрачно? И эти головы на стенах...

Тусклое мерцание свечей в кроваво-красном канделябре озаряет лицо миссис Рассел. Одета она в незатейливое чёрное платье. Её каштановые волосы собраны в аккуратный пучок. Лицо Эммы Рассел мертвенно бледно, будто бы у привидения. Глаза – как будто у обиженного котёнка. Кажется, эта женщина вовсе не счастлива в браке.

– Я понимаю, мисс, но мистер Джастис ведь строжайше запретил что-либо менять в обстановке, – произносит она.

Удивлённая Анджела снимает перчатки и шляпу, кладёт их в шкаф. Она всё осматривает, раздвигает тяжёлые бархатные портьеры

– Но, миссис Рассел, это очень странно! Я не понимаю, с чего это мистеру и миссис Джастис вздумалось напугать гостей.

– Честно говоря, я тоже, мисс, – признаётся миссис Рассел.

– Я новый секретарь миссис Джастис, – говорит Анджела. – Вы, должно быть, слышали обо мне?

– Нет, мисс, – отвечает миссис Рассел. – Я знала только, что среди гостей должна быть молодая леди по имени Анджела Эванс.

– Неужели миссис Джастис ничего вам обо мне не говорила?

– Нет, мисс, – произносит миссис Рассел.

– Ну и ну! – изумляется Анджела. – Но вы, миссис Рассел, должно быть, знаете мистера и миссис Джастис лучше, чем я. Не расскажете ли, какие они?

Но миссис Рассел ничего рассказать не может.

– Боюсь, мисс, что я не смогу удовлетворить ваше любопытство. Я знаю о них не больше вашего. Честно говоря, я никогда не видела миссис Джастис, – говорит она и, помолчав, спрашивает: – Я надеюсь, здесь есть всё, что вам нужно, мисс?

– Да-да, совершенно всё, – заверяет Анджела, хоть от обстановки в комнате ей не по себе.

– Что ж, мисс, если вам что-нибудь понадобится, позвоните.

С этими словами миссис Рассел удаляется. Однако где же хозяйева замка? Почему они до сих пор не приехали, хотя гости уже собрались?

Обои в комнате чёрные, такого же цвета покрывало на кровати. А зеркало накрыто полотенцем, как будто в домах, где есть покойник! На тумбочке подле постели Анджела с удивлением, смешанным с ужасом, видит свою фотографию с чёрною траурной лентой и карту Таро с тринадцатым номером. Глаза становятся круглыми подобно луне в полнолуние. Ведь эта карта означает смерть! Что на ней? Скелет, ко-

сящий части человеческого тела, растущие в земле. На одной из стен – репродукция картины Мунка «Крик», где изображена фигура в чёрном. «Лицо» у человека – не лицо, а череп. Воплощённое отчаянье! Фон – кроваво-красное небо.

Страх огромным безобразным пауком опутывает паутиной душу Анджелы. Сердце трепещет будто крылья у пойманной бабочки. Хочется уехать прочь из жуткого места!

«Прекрати, ты воображаешь бог знает что. Наверняка здесь нечего бояться. Чужачества хозяев замка, только и всего. Ты разволновалась из-за ничего не значащих пустяков», – говорит себе Анджела, чувствуя, как по спине холодной волной бегут мурашки страха.

Но беспокойство, неясное предчувствие грядущего несчастья никак не покидают её сердца. Нет, что-то здесь не так! И какие всё-таки странные эти мистер и миссис Джастис. Жаль, что она не познакомилась с ними до того, как приехать на остров.

Впрочем, лодка, к сожалению, уплыла. К тому же, если страх вызывает у неё желание покинуть остров, то другое чувство – страстное желание остаться. Здесь рядом с ней Артур.

Артур... Её милый, любимый Артур. Как давно они не виделись? Четыре года? И если бы не случай, она бы его больше не увидела. Она не уберегла Генри, и мальчик погиб.

Тут Анджела с досадой смахивает слёзы: нет, не хватало ей сейчас расплакаться! Как же больно ей думать о Генри!

Но эта боль дороже некоторых радостей.

Сразу после дознания Артур уехал. Сколько было страдания, сколько пролитых слёз! Анджела вдруг вспоминает, как они с Артуром познакомились. Когда она давала своему воспитаннику Генри урок музыки, в комнату вошла миссис Андерсон, а с ней красивый молодой мужчина.

– Дядя Артур! – радостно кинулся к нему Генри.

– Генри, – мягко укорила сына миссис Андерсон, – веди себя прилично! – И, обратившись к Анджеле, произнесла: – Мисс Эванс, это Артур, брат моего покойного мужа. Артур, – сказала она деверю, – это мисс Эванс, гувернантка Генри.

С этими словами миссис Андерсон удалилась.

– Рад знакомству, мисс Эванс, – произнёс Артур доброжелательно.

– Я тоже, мистер Андерсон, – приветливо отозвалась Анджела.

– Однако моя невестка назвала только вашу фамилию.

– Меня зовут Анджела.

Дружелюбная улыбка нового знакомого, его взгляд, одновременно несколько смущённый и заинтересованный, Анджеле понравились.

Артур приходил почти каждый день. Мужчина оказался умным и приятным собеседником, Анджела понимала, что всё больше влюбляется. Один из таких вечеров она никогда не забудет.

– До завтра, мистер Андерсон, – как обычно сказала она на прощание.

– До завтра, мисс Эванс, – ответил ей Артур.

– Генри будет ждать вас, – произнесла она и, посмотрев в его глаза, добавила чуть слышно: – И я тоже.

– Я буду счастлив снова вас увидеть, – он ласково улыбнулся, и как тепло ей стало на душе от его улыбки!

И вот однажды Артур признался Анджели в любви.

– Мисс Эванс... Андже́ла, – произнёс он, смотря на неё с обожанием.

– Да, мистер Андерсон, – Андже́ла сердцем поняла, что он хочет сказать.

– Я люблю вас, Андже́ла. Не знаю, могу ли на что-то надеяться, но я вас люблю!

– Я тоже люблю вас.

И вот сегодня Андже́ла снова увидела Артура. Хоть безрассудное, глупое сердце неистово заколотилось, душа замурлыкала, свои чувства она постаралась сдержать.

Взгляды Анджели и Артура встретились. Но если её глаза светились радостью, то его – сверкали гневом.

– Здравствуйте, мистер Андерсон, – сказала она.

– Здравствуйте, мисс Эванс.

– Не ожидала встретить вас здесь.

– Так же, как и я вас, – произнёс Артур.

– Но я очень рада вас видеть, – сказала Андже́ла, стараясь, чтобы это прозвучало как можно равнодушной.

«Нет, ну здесь же нет ничего такого, – подумала она. – Обычная, ничего не значащая любезность».

– Боюсь, не могу сказать то же самое. Хотелось бы знать, каким ветром вас сюда занесло. Тоже пригласили Джастисы?

– Да, – сказала Анджела. – Секретарь миссис Джастис заболела, и я временно буду её заменять.

– Мы очень давно не виделись.

– Да. С тех пор как... – начала Анджела и осеклась.

– Договаривай. С тех самых пор, как погиб Генри, – яда в тоне Артура хватило бы на десять кобр.

– Идиот! – прошептала она.

Чего больше было в её тоне: гнева или же печали? Анджела отвернулась от Артура. Тут к ней подошёл незнакомый молодой человек, тоже приглашённый Джастисами.

– Не позволите ли представиться, мисс? Меня зовут Чарльз Саймон, – сказал он.

– Анджела Эванс, – представилась она, хотя сейчас была не слишком расположена к общению.

– Кажется, вы хорошо знакомы с этим джентльменом?

– Нет, мистер Саймон, я бы так не сказала, – проговорила Анджела сердито. – Ровно настолько, чтобы сожалеть об этом знакомстве.

– Боюсь, что он расстроил вас?

– Вам, должно быть, показалось, – солгала Анджела. – У меня с ним не такие отношения, чтобы бессмыслица, ко-

тору ю он сказал, могла всерьёз меня расстроить.

Мысленно вернувшись к настоящему моменту, она в который раз велит себе быть благоразумной. Не унижаться перед тем, кто знать её не хочет. Оставаться верной своему решению. Если Артуру она не нужна, то и он ей тоже.

Артур теперь для неё – мистер Андерсон. Давний знакомый, который отнюдь не волнует ей сердце. Питать насчёт него какие-то иллюзии, надежды безрассудно, просто глупо. Что было, то было. Минувшего не вернёшь. Ведь в одну реку, как говорится, дважды не входят.

Анджела вздыхает: если б только Артур захотел, они бы снова были вместе. Но ведь их разрыв – его вина. Значит, первый шаг должен сделать Артур. Пока же она притворится равнодушной к нему. Назло начнёт кокетничать, к примеру, с этим Саймоном, которому она, как видно, нравится. Пусть Артур видит: ей и без него прекрасно жить на свете, пусть ревнует. Тут Анджела усмехается собственным мыслям.

«Не слишком ли много я о себе возомнила, решив, что всё ещё могу вызывать в нём ревность? Во всяком случае, Артур приехал сюда не с женой. И другой любимой женщины у него, как видно, тоже нет», – думает она.

Близится время обеда, и Анджела думает: что бы надеть? Выбирает лазурное платье. Оно ей идёт, к тому же в таком она некогда очень нравилась Артуру.

Одиннадцать гостей и двое слуг. Тринадцать. Их тринадцать.

Тринадцать – число с дурной славой, называется также «чёртова дюжина». Есть примета: если за одним столом собирается тринадцать человек, то не пройдёт и года, как один из них умрёт. Как видно, это связано с последней трапезой Христа. Из двенадцати учеников, которые с ним тогда были, один оказался предателем.

Если же тринадцатое число месяца выпадает на пятницу, то такой день многие считают несчастливым. Даже величайшие умы не чужды были этому. Гёте, например, пятницу тринадцатое проводил в постели, а Наполеон на данный день не назначал сражений.

Глава II. Не судите

Старый детектив Гилсон, прежде служивший в полиции, сейчас у себя. Стёкла окон в его комнате, как и почти во всех, чёрные. Сидя за столом, который освещает только тусклое мерцание свечей в кроваво-красном канделябре, он рисует в альбоме розу. Но не просто розу. Розу с лепестками, которые оборваны безжалостной рукой. Остался только стебель с листьями и острыми шипами. На столе статуэтка Юстиции – богини правосудия. Её изображают с повязкой на глазах. Повязка – это, как известно, символ беспристрастности. В одной руке богиня держит меч, в другой – весы. Возможно ли быть одновременно весами и мечом?

«Да, я не жалею о том, что совершил. Он заслуживал быть убитым», – думает Лоуренс Гилсон.

*Я дух, всегда привыкший отрицать,
И с основаньем: ничего не надо,
Нет в мире вещи, стоящей пощады,
Творенье не годится никуда.*

Кажется, так охарактеризовал себя Мефистофель из трагедии Гёте?

Мистеру Гилсону вдруг вспоминаются щенята овчарки,

тявкавшие в корзине. Знакомая просила утопить их, она не решалась сделать это сама. Лоуренс Гилсон не смог, нашёл им хозяев. «Чем больше узнаю людей, тем больше нравятся собаки», – думает детектив, цитируя известное высказывание, и усмехается.

Непорочная Эванджелина Далтон в своей спальне с окнами, стекло в которых чёрное. На одной из стен репродукция картины Мунка «Крик». Озаряемая только тусклым мерцанием свечей в кроваво-красном канделябре, прямая, как палка, старая дева сидит за столом. На ней строгое чёрное платье. Седые волосы на голове подобны короне. Ледяной взгляд устремлён на страницы святого Евангелия: мисс Далтон читает.

«А молясь, не говорите лишнего, как язычники, ибо они думают, что в многословии своём будут услышаны; не уподобляйтесь им, ибо знает Отец ваш, в чём вы имеете нужду, прежде вашего прошения у Него. Молитесь же так: “Отче наш, сущий на небесах! Да святится имя Твоё, да придёт Царствие Твоё, да будет воля Твоя и на земле, как на небе. Хлеб наш насущный дай нам на сей день; и прости нам долги наши, как и мы прощаем должникам нашим; и не введи нас в искушение, но избавь нас от лукавого. Ибо Твоё есть Царство и сила, и слава вовеки. Аминь”. Ибо если вы будете прощать людям согрешения,

шения их, то простит и вам Отец ваш Небесный. А если не будете прощать людям согрешения их, то и Отец ваш Небесный не простит вам согрешений ваших».[\[1\]](#)

«Не судите и не судимы будете, каким судом судите, таким будете судимы; и какою мерою мерите, такою и вам будут мерить. И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или как скажешь брату твоему: “Дай, я выну бревно из глаза твоего”, а вот в твоём глазу бревно? Лицемер! Вынь прежде бревно из твоего глаза и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза брата твоего».[\[2\]](#)

Прервав чтение, безгрешная Эванджелина Далтон захлопывает Евангелие и невольно предаётся воспоминаниям. Да, мисс Далтон считает, что поступила с Розалией верно. Нисколько не сомневается в собственной правоте. Розалия Рассел была развращённая, испорченная девица без стыда и совести.

– Значит, ты беременна? – вопрошала непорочная мисс Далтон в праведном гневе.

– Да, миледи, – отвечала её горничная Розалия.

– Но ты же не замужем!

– Нет, миледи, – робко лепетала та.

– Бесстыдница!

– Миледи...

– Шлюха!

– Миледи, умоляю, выслушайте меня! – говорила Розалия. – Вы ведь тоже были молоды. Разве вы никогда не любили?

Да, когда-то мисс Далтон мечтала выйти замуж и родить детей, но ничего не получилось.

– Может быть, я и любила, только вот не прыгала в постель до свадьбы, — холодно проговорила непорочная мисс Далтон.

Розалия безудержно рыдала. Мисс Далтон же терпеть не может, когда льют слёзы. Слёзы – проявление слабости, а все слабые существа никогда не вызывали в этой женщине симпатии.

– Нечего реветь. Надо было думать раньше. А теперь убирайся. Я не желаю, чтобы ты находилась под одной крышей со мной.

– Но ведь я ждущу ребёнка. Кто возьмёт меня на работу?

– Это твои проблемы, – так непорочная мисс Далтон ответила Розалии.

– А отец... отец ведь просто убьёт меня! Он будет в ярости, когда узнает. Что, если он меня выгонит из дома? Мама, может, меня пожалеет, да она отцу слова боится сказать. Куда мне тогда идти? Что делать?

– Не знаю и знать не хочу.

– Мисс Далтон...

Розалия бросилась к её ногам, но безгрешная мисс Далтон

оттолкнула её.

– Ты уволена.

Родители Розалии Рассел тоже не захотели держать её под своей крышей.

– Я так люблю тебя, – Джордж Стивен преданно смотрел в глаза Розалии.

– И я тебя, – она была просто на седьмом небе от счастья.

– Любовь моя... Как же ты прекрасна, моя радость!

Он уже опаздывал на свидание с другой своей «любимой», но решил, что та подождёт.

– Милый...

– Я так хочу целовать твои губки, – он пытался поцеловать, но Розалия уклонялась от поцелуя.

– Нет, Джордж. Это... это будет лишним.

– Неужели ты не доверяешь мне? Не артачься, я хочу тебя, а ты меня. Или ты меня не любишь?

– Конечно, люблю! И доверяю, просто...

На руке Розалии блестел браслет. Браслет, который Стивен сначала вручил другой девушке. После с той своей милой он, конечно, расстался. Девушка возвратила браслет, Джордж Стивен же подарил украшение Розалии.

– Не верь, что солнце ясно,

Что звёзды – рой огней,

Что правда лгать не властна,

Но верь любви моей.

Да, он прочитал стихи, написанные Гамлетом для Офелии.

– Ты взаправду любишь меня так, как я тебя?

Как он помнит, она пристально взглянула ему в лицо.

– Радость моя, ну конечно! Мы ведь всё равно поженимся. Обещаю. Я хочу тебя, Роза, – голос у него охрип от возбуждения.

Притянув Розалию к себе, он, Джордж, дрожащими от волнения руками начал расстёгивать пуговицы на её блузке, покрывать её лицо, шею, плечи страстными, жадными поцелуями...

Розалия в очаровательном светло-зелёном платье и её возлюбленный Джордж Стивен сидели на диване в гостиной его дома. На одной из стен – зеркало в полный рост, так же, как и в других комнатах этого особняка. На стене напротив – изображение Стивена. Порой он сожалел, что этот портрет не обладает свойством портрета Дориана Грея: с течением времени менялась картина, а сам Дориан выглядел так же, как прежде.

– Милый, я должна тебе сказать...

– Что, моя радость? – спросил Стивен ласково.

Девушка опустила глаза. Вид у неё был смущённый и в то же время невероятно счастливый.

– Я беременна, милый, – произнесла она.

– Извини?

Ему казалось, будто он ослышался. Она беременна! Оглушённый этим будто безобидным словом словно ударом в голову, Стивен смотрел растерянно. Не знал, что сказать, как реагировать. Розалия же улыбнулась, видя, насколько он обескуражен.

– Что с тобой, Джордж? – сказала она. – Ты так поражён?

– Ну, да, поражён.

– У нас будет ребёнок, Джордж, – глаза её светились непритворной любовью и радостью.

– Скажи, а ты ни капли не сомневаешься, что этот ребёнок от меня? — пробормотал он с абсолютно ошарашенным видом.

Возмущённая Розалия смотрела на любимого, не в силах поверить тому, что услышала.

– Ты... Если это шутка, то жестокая, Джордж, – она едва не плакала от обиды.

– Ну прости, хорошо-хорошо, он мой, – поспешил успокоить Розалию Стивен.

Буря негодования в душе у неё несколько улеглась, но вид у Розалии всё ещё был недовольный.

– Да как ты можешь говорить такое! – воскликнула она. – Ты у меня единственный!

Она ждала, что сейчас он попросит её руки. Стивен понимал это. Но он ведь не хочет жениться! Ни на ней, ни на

одной девушке в мире. Дальше тянуть было нельзя. Он решил расстаться с ней прямо сейчас.

– Послушай, Розалия, ты замечательная. Я искренне желаю тебе счастья, но я не тот человек, который может сделать тебя счастливой. Прости, но мне кажется, что мы с тобой поторопились, и тебе лучше забыть обо мне, – равнодушно проговорил Стивен.

– Но я считала, что ты меня любишь!

Розалия резко встала с дивана. Нет-нет, не может быть! Её любимый Джордж всерьёз говорит ей такое?

– Поверь, я тоже так считал, – сказал Стивен.

– Но ты ведь хотел жениться на мне! – возмутилась Розалия. Губы её задрожали, большие карие глаза наполнились слезами.

Нет, не хотел. Но что он должен был сказать? «Я не люблю тебя, дорогая, мне просто хочется, чтоб ты легла со мной в кровать?»

– Разве я что-то тебе обещал? Так уж вышло, что я больше тебя не люблю. Радость моя, для тебя же самой так будет лучше. Ну, посуди сама, что это за семья, когда жена любит, а муж женился только из-за ребёнка? И, в конце концов, ты вела себя слишком легкомысленно. Очень уж быстро ты легла ко мне в кровать.

На мгновенье ему стало жаль Розалию. Но только жалость не любовь.

– И что же... что же мне теперь делать? – растерянно

прошптала обескураженная Розалия.

– Ну, не знаю, – сказал Стивен и добавил: – Не переживай ты так, Роза, я уверен, всё как-нибудь уладится.

– Я пойду, – произнесла она упавшим голосом, чувствуя, что от боли всё словно в тумане. Она не нужна Джорджу. От счастья остался лишь пепел.

– Иди, – небрежно отозвался Стивен.

Розалия Рассел направилась к выходу. По пути обернулась.

– Но я люблю тебя, Джордж.

– А я тебя нет.

Джордж Стивен не любил Розалию. Она, бесспорно, нравилась ему, но то было естественное, предусмотренное даже у животных, влечение молодого здорового мужчины к прекрасной юной женщине. Жениться красавчик не собирался. Девушек он менял как перчатки и не желал остановить свой выбор на одной-единственной, какой бы восхитительной она ни казалась. Клялся в вечной любви, жившей лишь две недели, не дольше!

Он сначала пленялся, ухаживал, добивался взаимности, уверял, что готов отдать жизнь за возлюбленную, а когда наконец получал желаемое, тут же охладевал к этой девушке, терял интерес к ней.

Думает ли он, что виноват перед Розалией? Отнюдь. Ведь, по его мнению, она сама не смогла сберечь свою невинность. К тому же родители могли бы простить свою дочь, так что

смерть девицы – скорее их вина. Его совесть чиста, подумаешь, лгал! Да кто же не лжёт, говоря о любви? Естественно, ребёнка от Розалии он не хотел и бросил её.

*С рассвета в Валентинов день
Я проберусь к дверям
И у окна согласье дам
Быть Валентиной вам.
Он встал, оделся, отпер дверь,
И из его хором
Вернулась девушка в свой дом
Не девушкой потом.
Какая гадость, сладу нет!
Стоит покуда свет,
Вот так и будут делать вред
По молодости лет?
Пред тем, как с ног меня валить,
Просили вы руки...*

И что же отвечает на это героине песни её возлюбленный?

*И обошёлся б по-людски,
Не будь вы так легки.*

Однако это просто поразительно! Он обещал жениться, после передумал, а девушка осталась виноватой! Она, по его

мнению, оказалась чрезмерно доступной, излишне легко согласилась лечь в постель, потому он изменил своё решение, не захотел жениться на распутной девице. «И обошёлся б полюдски». То есть он сам понимает, что поступил с ней не по-человечески.

Эта ужасная новость была для Амелии Миллер как гром среди ясного неба. Элинор ведь была её лучшей подругой, почти что сестрой! Амелия даже представить себе не могла, что на свете есть нечто, способное разрушить их дружбу.

«Как я любила её! Предательница! – рыдала Амелия. – Подлейший, гнуснейший поступок!»

Она ведь верила мерзавке так же, как себе!

«Что, мои чувства её не волнуют?! Я страдаю, а ей безразлично?!» – думала она в ярости.

Амелия решила: нет, предательство прощать нельзя! Элинор растоптала её любовь.

«Мерзавка! Омерзительная, гнусная змея! Вероломная, подлая, гадкая женщина! Наша дружба для неё – просто пустой звук!»

Она не понимала, как Элинор могла такое сделать.

«Она ведь знала, как он дорог мне! Ведь Уильям – любовь всей моей жизни! А она отняла его у меня. Я бы отдала ей всё на свете, но не его любовь!»

Как и любая женщина, Амелия грезилась о счастье. Верила: их с Уильямом любовь будет длиться вечно, они пожени-

ся, у них рождаются дети. Хотя бы двое: девочка и мальчик. Дочь хотела назвать Флоренс, сына – Уильямом. А из-за гадины мечтаниям конец. Счастье, словно птичка, упорхнуло.

Теперь Элинор мертва. Да, спасти её Амелия не стала.

Юный художник Ланселот Блэр черноглазый и черноволосый. Лицо его, вытянутое, с узкими скулами, вполне можно счесть привлекательным. Над верхней губой у него ни точка чёрных усов.

Блэр помнит Джинни. Её прекрасное лицо вновь и вновь встаёт у него перед глазами. Дьявол! Он не должен думать о ней! Да, она была очаровательна. Волнистые длинные огненно-рыжие волосы, лучистые зелёные глаза, мраморно-белая кожа...

Как же он любил её! Воспылал безумной страстью с той поры, как в первый раз увидел. Но только вот Джинни так и не ответила ему взаимностью. Умерла, так и не став его. Джинни была замужем, но однажды он пришёл к Ларкинсам, когда Питера не было, и наконец решился сказать о любви.

– Джинни, я вам должен кое в чём признаться, – начал он.

– Да. Слушаю вас, Ланс, – Джинни, насколько он помнит, пристально взглянула на него.

На комод в гостиной была фотография, где изображены она и Питер. Голубки, сладкая парочка. Они-то и сейчас вместе...

– Дело в том, что люблю вас, Джинни. Ей-богу, как же вы прелестны. Как я хочу обнять, поцеловать вас... – Он бросился к её ногам.

– Довольно. Встаньте. Вы с ума сошли.

Проклятая гордячка! Смела смотреть на него сурово и осуждающе!

– Да. Я без ума от вас. Ангел мой...

Разве она не видела в его глазах обожания?

– Хватит, говорю вам!

Подумать только, она ещё и рассердилась!

Джинни отошла от него к окну с золотистыми шторами.

– Я совсем не нравлюсь вам, Джинни?

Каким жалким он, должно быть, выглядел! Самолюбие заставило его подняться с ковра. Тот, помнится, был песочного цвета.

Джинни, как видно, любила мужа и, разумеется, даже помыслить не могла о том, чтоб изменить ему.

– Я не люблю вас, Ланс. Простите, но я не люблю вас, – сказала она.

– И вам совсем не жаль меня?

– Ох, Ланс, мне вас жаль, но поймите: не могу я ответить взаимностью на ваши чувства. – Его страсть Джинни, видите ли, считала порочной. – К тому же ведь Питер – ваш друг. Вы не должны вести себя вот так, это неправильно. Прошу, смирите чувства, ради себя самого поста-

райтесь забыть обо мне.

– Забыть вас? – Нет, он не хотел бороться со страстью! – Ей-богу, Джинни, это просто невозможно.

– Возможно, только сделайте над собой усилие, – возразила она.

Он не видел ничего дурного в том, что влюбился в замужнюю женщину. Что делать, сердцу не прикажешь. Разве он виноват, что какой-то мужчина, пусть даже его друг, раньше покорил сердце Джинни и позвал её под венец?

Она, видите ли, непорочная, образец высокой нравственности и не может полюбить его! Неужели это плохо – добиваться женщины, которая тебе любезна? Он, во всяком случае, так не считал.

– А если я не хочу? – сказал он с вызовом.

– Тогда мне придётся рассказать всё мужу.

– Вы правы, Джиневра. Я постараюсь забыть вас, – он сделал вид, что смирился, но в его душе кипел гнев.

– А сейчас прошу вас, удалитесь.

Блэр был разъярён тем, что Джинни отвергла его. Он решил разрушить её брак, оклеветать гордячку перед мужем. Заявил Питеру Ларкинсу, что как-то раз зашёл без приглашения и увидел, как Джиневра целуется с любовником. «Ревности остерегайтесь, зеленоглазой ведьмы, генерал, которая смеётся над добычей». [3] Отомстить Джинни, сделать её свободной, устранить соперника – да, это казалось Блэру отличной идеей. Поверив злобному навету, Ларкинс в тот же

день зарезал верную жену.

Блэр не думал, что получится вот так. И всё-таки ему не жаль её.

Детектив Лоуренс Гилсон думает о своей дочери. Несчастливая Агнес! Воспоминанья о ней жалят душу как будто бы рой злобных пчёл.

– Папа... папочка, – говорила она.

– Нет, дочь. Пойми: ты не должна встречаться с ним, – отрезал мистер Гилсон, буравя Агнес хмурым, недовольным взглядом.

– Но я ведь люблю его! – с мольбою в глазах воскликнула Агнес в отчаянии.

– Я это знаю. Но тем не менее разлюбишь, – произнёс отец холодно, тоном, не терпящим возражений.

Агнес готова была пасть к его ногам.

– Я люблю его, папа.

– Агнес Грейс Гилсон, будь же благоразумна, – сказал мистер Гилсон и добавил чуть мягче: – Дочка, ты же у меня умница. Ты правда полагаешь, что он тебя любит?

– Я в этом нисколько не сомневаюсь, – Агнес была уверена, что отец неправ насчёт её любимого.

Мистер Гилсон ни разу даже голоса не повысил на дочь, но и нежность проявлял редко.

– Пойми, дочка: ему нужна не ты, а наши деньги. Ты ещё очень молода и совершенно не разбираешься в жизни. Он бе-

ден и решил найти себе богатую невесту.

Но Агнес не могла не упрямиться.

– Не верю я в это!

Мистер Гилсон заметил в её глазах слёзы. Агнес знала: отец упрям, как баран, для него есть два мнения. Его собственное и неправильное. Он не из тех людей, которые терпят, когда им перечат. И всё же надеялась.

Глава III. Знает кошка

– Нет, Агнес, – непреклонно изрёк мистер Гилсон. – Будет так, как я сказал. Дочка, я хочу для тебя как лучшее, пойми. Мы с Джеймсом вчера о тебе говорили, он влюблён в тебя, попросил твоей руки, и я согласился.

– Согласился? Выдать меня замуж? – возмущилась Агнес. – Не спросив моего мнения?

– Дочка, я знаю свой долг, знай и ты свой. Живёшь под моей крышей, следовательно, будешь подчиняться мне, – властно заявил мистер Гилсон.

– Папа! Разве я тебе надоела? Я... я ведь буду несчастна с ним, – Агнес не оставляла надежды разубедить сурового родителя.

– Нет, дорогая, – сказал он твёрдо. – Сначала замуж, а любовь придёт потом.

– Ты жестокий! Если бы мама была жива...

– Не смей при мне говорить о матери, – отчеканил мистер Гилсон. Тон его был спокоен, но Агнес понимала: отец в ярости. – И таких обвинений я не заслужил.

– Это почему же? – недовольным тоном задала она вопрос.

– Довольно, юная леди, – мистер Гилсон поднял руку. Он не хотел продолжать бессмысленный спор. – Я принял решение и менять его не собираюсь. Вот что, дочка: Джеймс

надёжный, добрый, обеспеченный...

– Но я люблю другого, – перебила его Агнес.

– Или ты за него выйдешь, или вон из дома, и больше ты не дочь мне. Ты меня знаешь. Я когда-нибудь бросал слова на ветер? — Произнёс отец суровым тоном.

– Нет, папа, – обречённо вымолвила Агнес. Да, она знала: отец сделает то, что сказал, отречётся от неё, если она его разочарует.

Она смирилась, послушалась и порвала с тем, кто не нравился отцу. Потом... потом свадьба. Невеста была восхитительна: белое атласное платье с кружевной отделкой прекрасно подчёркивало стройную фигурку девушки, прелестную головку Агнес покрывала тонкая полупрозрачная фата. Не хватало лишь улыбки на печальном, бледном личике. Казалось, будто Агнес едва не разрыдалась, когда нелюбимый жених надел ей на палец кольцо.

Вскоре же дочь мистера Гилсона покончила с собой. Не смогла несчастная перенести тоски, жить с нелюбимым мужем.

Дочь Лоуренс Гилсон, конечно, обожал, гордился ею: умница, красавица. Однако это ничуть не мешало ему быть властным и строгим родителем. Мистер Гилсон считал: он лучше дочери знает, что ей нужно. Не сомневался в том, что поступает правильно, запрещая Агнес встречаться с её милым.

Благими намерениями выстлана дорога в ад. А такими

ли благими были намерения мистера Гилсона? Разве можно осчастливить человека против его воли? Теперь гордец думает, что всё же был неправ по отношению к Агнес.

Мисс Миллер надеялась: Элинор не станет и в сердце Уилла возродится прежняя любовь. Они с Уильямом смогут начать всё сначала.

«Боже милостивый, мне тогда казалось, что я вовеки не смогу быть счастлива! Что я так и умру старой девой, не будет у меня ни мужа, ни детей. Да когда Уильям и Элинор пришли ко мне и сказали, что любят друг друга, я... что я тогда почувствовала! Просто не описать. Мне казалось, я умру, сердце разрывалось, всё думала: “Ну почему моя подруга, с которой я знакома с детства, оказалась такой мерзкой, отвратительной и подлой?!” Конечно же, я не могла её простить, но всё же притворилась, что простила».

В миг неясный упоенья
Я вскричал: «Прости мученье,
Это Бог послал забвенью о Леноре навсегда, —
Пей, о, пей скорей забвенью о Леноре навсегда!»
Ворон каркнул: «Никогда!» – вспоминаются Артуру
строчки стихотворения Эдгара По.

Артур Андерсон обхватывает голову руками. О, если бы его мучение закончилось, если бы он мог не думать о *своей* «Леноре»! Его Анджела, которая казалась милым ангелом, –

убийца! Одна лишь мысль об этом ужасает. А этот мерзкий тип – Чарльз Саймон, кажется? Смотрит на неё как кот на колбасу. Что это? Неужели ревность? Нет уж, он не должен ревновать! Всё осталось в прошлом. Анджела ему чужая, для него ничуть не важно, нравится ей этот Саймон или нет.

«Боже мой, таких болванов ещё свет не видывал! – с гневом и горечью думает Анджела. – Артур, ну почему ты не можешь поверить мне! Ведь мы с тобой так любили друг друга. Дорогой мой, ведь мы могли бы уже давно быть женаты. Ведь у нас могли бы уже родиться собственные дети.

Ну почему я всё ещё люблю тебя? Ты же сделал мне так больно, что я бы должна тебя ненавидеть! Да что же ты, так плохо меня знаешь?! Да как в твою дурную голову пришло, что я способна погубить ребёнка?! Как будто Генри виноват, что наследник он, а не его дядя!

Между прочим, миссис Андерсон доверила мне сына, – самое дорогое, что у неё есть. Я видела от неё только добро. Боже мой, с какой стати мне нарушать свой долг перед ней?! Я что, с ума сошла – причинить ей такое горе? И потом, какая подлость – обмануть и убить того, о ком должна заботиться! Я не хотела того, что случилось!

Ну как ты мог подумать, будто я нарочно позволила Генри прыгать на лошади через забор? Я ведь понимала, что мальчик может сломать себе шею».

Да, Анджела тогда была в отчаянии. Она так мечтала все-

гда быть вместе с Артуром, более того, как ей казалось, Артур тоже этого желает. Анджела верила: милый вот-вот сделает ей предложение. И что же в итоге? Выяснилось, что свадьбы не будет. Не выразить словами, насколько отвратительно ей было. Теперь Анджела, конечно же, уверена, что лучше б всё осталось так, как есть: пусть она и Артур не были бы вместе, зато Генри бы остался жив.

Перед обедом все собираются в тёмной, мрачной гостиной. С чёрными стёклами в стрельчатых окнах. С кроваво-красным ковром на полу.

Тут мисс Миллер смотрит на Лоуренса Гилсона. Барышня ловит себя на мысли, что он напоминает ей Мефистофеля из трагедии Гёте.

*Едва он в дверь, как всех буравит
Его коварный, острый взор.
Он так насмешлив и хитёр
И ни во что людей не ставит!
Что он любви вовек не ведал,
Как бы написано на нём.*

– Скажите, – громко произносит молодой журналист Эдгар Фейбер, – у меня одного зеркало накрыто полотенцем? Его серые глаза взволнованно смотрят на присутствующих.

– У меня тоже! – раздаётся хор голосов.

– А карта Таро с тринадцатым номером?

– Да! – подтверждают все.

– А фотография, перевязанная чёрной лентой?

– Да!

Трепещущая Амелия Миллер белеет.

– Боже милостивый! – восклицает она. – Ну и шутки у этого мистера Джастиса!

«У меня такое чувство, что хозяин замка – какой-нибудь вампир», – проносится у неё в голове.

– Возмутительно! – ворчит мисс Далтон.

– Ей-богу, ну какой он всё-таки чудак! – восклицает Ланселот Блэр.

– Да, – говорит мистер Макадам, – этот Джастис – тип довольно странный.

– Довольно странная затея, – произносит Анджела.

– У этого Джастиса, – заявляет Чарльз Саймон, – явно бардак в голове.

– Очень экстравагантно, – говорит Джордж Стивен.

– Я нахожу, что это довольно глупая ребячья выходка, – изрекает мистер Гилсон.

– Да, что за причудливая фантазия? – говорит доктор Эдуард Картер.

Мисс Далтон проводит пальцем по стоящему в углу фортепьяно: нет ли там пыли?

Анджела думает, что этот замок своей мрачностью напо-

минает Тауэр.

«Боже милостивый! Я не знаю, смогу ли когда-нибудь вновь полюбить», – думает прелестная мисс Миллер.

Ведь, как ей мнится, если полюбила, то навечно. Любовь бывает лишь один раз в жизни.

*Только раз, встречаясь с кем-то взглядом,
Узнаёшь любви своей глаза,
Узнаёшь: теперь навек быть рядом
Вам двоим велели небеса.*

Для развлечения в гостиной есть карты, шахматы, а также фортепьяно.

– С вашего позволения я что-нибудь сыграю, – любезно предлагает Джордж Стивен.

Он молод и хорош собой, красив, как манекен, однако же на лбу как будто бы написано, что бабник. Золотые локоны мужчины достают до плеч.

– Очень признательна вам, мистер Стивен. Поверьте, вы доставите нам большое удовольствие, – говорит Амелия.

– Вы очень любезны, мисс Миллер.

Стивен плотоядным взглядом бесстыдно раздевает присутствующих девушек. На губах – самодовольная улыбка. Блондиночка, конечно, хороша, фигурка и грудь у неё восхитительные, однако ему, Стивену, больше нравится брюнетка.

Он начинает играть. Пальцы его бегают по клавишам, и

комнату тотчас же наполняют волшебные, чарующие звуки вальса Шуберта. Чарльз Саймон подходит к Анджеле.

– Вы позволите пригласить вас, мисс Эванс? – спрашивает он.

Анджела встречается с ним взглядом. Судя по самоуверенной усмешке, Саймон нимало не сомневается, что она готова с ним не только танцевать. Ей почему-то кажется, что этот человек походит на разбойника в костюме джентльмена.

– А разве, мистер Саймон, вам можно отказать? – намеренно громко произносит она, обворожительно улыбаясь.

Анджела подаёт ему руку, встаёт с кресла, в котором сидела, и они кружатся в вальсе. Но не к партнёру по танцу прикован взгляд Анджелы. Она смотрит на Артура.

– Не согласитесь ли потанцевать со мной, мисс Миллер? – приглашает тот Амелию.

Коротко подстрижены его светлые волосы. Миловидное лицо с правильными чертами можно было бы даже назвать прекрасным, если б не безвольный рот, который портит впечатление.

– Конечно, мистер Андерсон.

– На этот остров стоило приехать хотя бы для того, чтобы повстречать такую восхитительную девушку, как вы, – шепчет Артур ей на ухо.

– Благодарю вас, мистер Андерсон, – несколько смущённо шепчет в ответ мисс Миллер.

От глаз Анджелы, конечно, не укрывается поведение Ар-

тура.

– Нет, мистер Саймон, ну вы это видели? – возмущается она.

– Что именно, мисс Эванс?

– Да он что-то шептал ей на ухо!

– Кто он, мисс Эванс? – спрашивает Саймон.

– Мистер Андерсон! Боже мой, мистер Саймон, неужели вы ничего не заметили?

– Нет, – насмешливо улыбается Саймон. – Зато, как я вижу, мисс Эванс, заметили вы.

– Нет, ну ни стыда ни совести! Это просто-напросто неприлично!

– Да, вижу, голубушка, вопросы приличия вас очень волнуют! – её реакция явно его забавляет.

Анджела смотрит в улыбающиеся глаза Саймона.

– Да вы надо мною смеётесь! – восклицает она полувесело-полусердито.

– Разумеется, – весело подтверждает Чарльз Саймон, и в глазах его пляшут чёртики.

– По-моему, я не сказала ничего забавного.

– Думаю, мисс Эванс, вас сердит только то, что в этом «вопиющем безобразии» участвует мисс Миллер, а не вы. Да-да, – отвечает Саймон с нахальной ухмылкой на губах.

Он, как говорится, попал не в бровь, а в глаз. Однако Анджела не хочет признаваться в своих чувствах.

– Что за бессмыслица, честное слово! – произносит она,

гордо вскидывая голову. – Да будет вам известно, мне вовсе нет дела до мистера Андерсона. Да пускай он хоть целуется с мисс Миллер, мне будет всё равно.

– Что-то, голубушка, я не очень вам верю, – усмехается Саймон.

– Ну и не верьте, – Анджела сердито надувает губы.

– А быть злоюкой, мисс Эванс, вам не идёт. Я не хотел вас обидеть.

– Вряд ли это вообще может быть к лицу, – улыбается Анджела.

Танцуя с Амелией Миллер, Артур тоже украдкой смотрит на Анджелу. Мисс Миллер замечает это.

– Думаю, мистер Андерсон, вы бы гораздо охотней танцевали с мисс Эванс, – говорит она.

– Вовсе нет, – возражает Артур. – Поверьте, мисс Миллер, вы здесь единственная девушка, достойная моего внимания.

– А мисс Эванс? Она очень красива.

– Мисс Эванс прелестна, но меня не прельщает.

Позже Анджела рассказывает о новой постановке «Гамлета».

– По-моему, Гамлету было бы лучше смириться, – замечает девушка, завершая рассказ. – Тогда бы всё обошлось смертью прежнего короля. Нет, принц намекнул дяде, что знает его тайну, и пошло-поехало! Сам принц тоже хорош: случайно убил Полония, хладнокровно обрёк на смерть двух человек, с которыми раньше был дружен. А ведь они, может

быть, даже не знали, что письмо, которое они везут, – приказ о его казни. Сделал несчастной Офелию.

Артур Андерсон, чьи серые глаза полны печали, пристально смотрит на Анджелу.

– Значит, по-вашему, мисс Эванс, надо было оставить убийство отца безнаказанным, пусть преступники творят, что хотят?

– Я просто не считаю, что восстановление справедливости стоит таких жертв, – отвечает Анджела, не думая смущаться.

И почему она всё-таки счастлива, что вновь видит Артура? Радуетя просто оттого, что он рядом, хоть осознаёт, насколько это неразумно.

Лоуренс Гилсон по привычке скрещивает руки на груди.

– *Bonum intentio, bonum methods*, дражайшая, – говорит он.

– Что это означает? – спрашивает Блэр.

– В переводе с латыни, это значит «цель оправдывает средства», молодой человек. Как сам Гамлет говорил, «из жалости я должен быть жесток», – отвечает мистер Гилсон.

Неужели он когда-то был мальчишкой, которого так сильно восхищал сумасбродный рыцарь Дон Кихот? Мальчишкой, чья гордость не позволяла заплакать, когда учитель бил его тростью. Но из-за четвёрки, полученной вместо пятёрки, Лоуренс мог расплакаться от злости на себя. У него – и что-то не получилось! При этом он охотней получил бы двойку, чем у кого-нибудь списал. Да и сам списывать не давал.

«Сирена, – думает Лоуренс Гилсон об Анджеле. – Прелестна, как белая роза, как сама любовь. Но стоит оборвать у розы лепестки, и останется лишь стебель с листьями и острыми шипами. Анджела Эванс... Как же она похожа на Аманду! Такие же голубые глаза, светлые, как белое вино, волосы. Та же привычка подпирать рукой правую щёку. Даже её платье такого же оттенка, какого было платье Аманды при нашей первой встрече. Я любил Аманду, только она изменила мне. Я не хотел ей зла, но и слушать оправдания не собирался».

– Мне больше по душе Ромео, – молвит мисс Миллер.

– У бурных чувств неистовый конец,

Он совпадает с мнимой их победой,

Распадом слиты порох и огонь,

Так сладок мёд, что, наконец, и гадок, [4] – говорит Анджела, намекая, чем кончается подобная любовь.

– Но это ведь так романтично! Они не представляли жизни друг без друга. Даже наш король отрёкся от престола, чтобы быть со своей Уоллис. А как Генрих Восьмой когда-то добивался Анны Болейн? Просто потерял голову от неё!

При упоминании короля мистер Гилсон презрительно усмехается.

– Да. Сначала он от неё, потом она от него.

– Но ведь, не правда ли, ради любви можно отдать жизнь? – возражает Амелия Миллер.

В чёрном платье мисс Миллер похожа на чёрного лебедя.

– Да, юная леди. Особенно чужую, – изрекает детектив Гилсон.

– А я недавно был на постановке «Отелло», – говорит Джордж Стивен.

Отелло... В тот же миг перед глазами Блэра возникает окровавленное тело молодой прелестной женщины, горло у которой перерезано.

Когда в гостиной появляется дворецкий и объявляет, что обед готов, все, не медля ни минуты, идут в столовую. В первый раз они будут обедать все вместе. В первый и в последний раз.

Чарльз Саймон с отменной учтивостью отодвигает для Анджелы стул.

– Благодарю вас, мистер Саймон, – благосклонно улыбаясь, произносит Анджела.

– Не стоит благодарности, мисс Эванс.

Он садится рядом с Анджелой, полностью довольный тем, что удалось ей угодить.

Обед великолепен. Миссис Рассел отлично готовит, да и муж её прислуживает просто безупречно. Кажется, будто бы всё хорошо.

После обеда Расселы подносят кофе. Казалось бы, всё мирно, безмятежно.

«Цепкий взгляд у этого старика, – думает молодой журналист Эдгар Фейбер, глядя на мистера Гилсона. – Такое ощущение, что он мысленно рисует на всех нас карикатуры! Ло-

уренс Гилсон. Я вот всё думаю: откуда мне знакомо это имя? И где я мог видеть Гилсона раньше? Ах да, вспомнил. Я виделся с ним, когда писал о тех убийствах на пароходе! Он их расследовал! Настоящий гений в своём деле! Интересно, зачем он здесь?»

Тут Фейбер переводит взгляд на мисс Миллер.

«Прелестное создание! – восхищённо говорит он себе. – Амелия. Это чудесное имя. Хорошо, что не Каролина».

подавая кофе Джорджу Стивену, миссис Рассел собирается дать чашку в руки. Вдруг чашка опрокидывается. Горячий кофе льётся прямо на белоснежную рубашку этого мужчины.

– Ай! – кричит Стивен. – Проклятье, как же вы неуклюжи.

– Простите, сэр, – говорит миссис Рассел, исправляя свою оплошность. – Я схожу на кухню и принесу вам другую чашку. Специально для вас.

Но нет, миссис Рассел вовсе не сожалеет, что облила гостя кофе. Во взгляде её карих глаз, которые устремлены на Стивена, читается злорадство, торжество.

«Больно? – мыслит она злорадно. – А мне, мерзавец, не больно от того, как ты поступил с моей дочерью?!»

Миссис Рассел удаляется на кухню, а Джордж Стивен – к себе, переодеться. Выходя из своей комнаты, он смотрит в зеркало, любясь собственной красотой. Вернувшись в гостиную, Стивен выпивает свой кофе.

– Всё же кофе на ночь вреден, – замечает он. – От него

плохо спится.

«Плохо спать тебе должно по другой причине», – мыслит миссис Рассел. Вслух же она говорит:

– О, можете не беспокоиться, сэр. Будете спать как убитый.

Тон, которым это произнесено, человека менее беспечно-го, безусловно, заставил бы волноваться.

Снова всё тихо-мирно. В гостиной царит тишина. Безмятежное, спокойное безмолвие. И внезапно эту тишину нарушает ГОЛОС. Кровь стынет в жилах от грозного голоса, а ещё больше от тех страшных слов, которые он произносит:

– Леди и джентльмены! Прошу тишины! Вам предъявляются следующие обвинения.

Опешившие гости вздрагивают. В недоумении смотрят на стены, затем друг на друга, безуспешно пытаясь понять, кто это мог говорить.

– Артур Лоренс Андерсон и Анджела Лаура Эванс, 16 августа 1933 года вы убили Генри Стюарта Андерсона.

Эдуард Эндрю Картер, вы ответственны за смерть Жаклин Ландор, последовавшую 11 октября 1932 года.

Эванджелина Вирджиния Далтон, Ричард и Эмма Рассел, Джордж Стивен, вы виновны в смерти Розалии Рассел, последовавшей 15 июня 1936 года.

В глазах обомлевших людей изумление и что-то ещё. Что? Неужели испуг? «Знает кошка, чьё мясо съела», «на воре шапка горит». Гертруда – королева из трагедии Шекспира «Гамлет» – говорит об этом так:

*Моей больной душе, где грех живёт,
Всё кажется предвестием невзгод.
Всего боится тайная вина
И этим страхом избличена.*

– Амелия Флёр Миллер, 13 июля 1935 года вы убили Эли-
нор Уильямс.

Мередит Дональд Макадам, вы ответственны за смерть
Мелани Джейн Макадам, последовавшую 10 мая 1930 года.

Ланселот Джастин Блэр, вы виновны в смерти Джинев-
ры Люси Ларкинс и Питера Ларкинса, последовавшей 19 сен-
тября 1932 года.

Чарльз Саймон, 18 декабря 1934 года вы обрекли на
смерть двадцать человек из восточноафриканского племе-
ни.

Эдгар Джон Фейбер, 20 апреля 1931 года вы убили Каро-
лину Камбелл.

Лоуренс Артур Гилсон, вы виновник смерти Томаса Лэр-
да, последовавшей 14 марта 1929 года.

Обвиняемые, что вы можете сказать в своё оправдание?

Голос умолкает. Потеряв от потрясения дар речи, ошеломлённые гости какое-то время молчат.

Глава IV. Даже слуги

До обеда детектив Гилсон поведал о новой игре.

– Вы слышали об игре «Убийца», дамы и господа? – спросил он.

– Нет, – сказали все. – А что это за игра?

Нужно сказать, что свою работу детектив не просто любит – он живёт ей.

– Правила её весьма просты. Я даю каждому карту, вы её никому не показываете. У кого пиковый туз, тот «убийца». Я говорю: «Город засыпает» – все закрывают глаза. Говорю: «Просыпается убийца» – глаза открывает лишь тот, у кого соответствует карта. Он выбирает, скажем так, жертву. Говорю: «Город просыпается» – все снова открывают глаза.

Детектив Гилсон раздал карты. Пиковый туз достался Анджеле.

– Город засыпает.

Все закрыли глаза.

– Просыпается убийца.

Анджела глаза открыла. Указала на Артура.

– Убийца засыпает.

Анджела снова закрыла глаза.

– Город просыпается. Жители узнают, что этой ночью «убили» мистера Андерсона.

Артур отдал свою карту.

– Итак, как вы полагаете, кто убийца? Мисс Далтон?

– Я думаю, что это мистер Саймон. – Эванджелина Далтон сидела прямо, точно аршин проглотив.

– Мисс Миллер?

Она назвала мистера Макадама.

– Доктор Картер?

– Э...мне кажется, что это э... месье Фейбер, – ответил тот.

– Мистер Стивен?

– Да держу пари, что это мистер Блэр, – сказал тот.

– Мистер Саймон?

– По-моему, это мисс Далтон, да-да.

– Мистер Макадам?

– Хм... по всей вероятности, это мисс Миллер... – промолвил тот («Милая девочка, – подумал он, – но, похоже, вечно витает в облаках»).

– Мистер Фейбер?

– Мистер Картер, естественно! – Серые глаза Эдгара Фейбера встретились с глазами доктора.

– Мистер Блэр?

Юный художник Ланселот Джастин Блэр сидел, закинув ногу на ногу.

– Мистер Стивен!

В общем, одна половина проголосовала за другую.

– Мисс Эванс?

– Мистер Саймон.

– Итак, город судил и приговорил к смерти мистера Саймона – мирного жителя.

Чарльз Саймон отдал свою карту.

– Город засыпает. Просыпается убийца.

Анджела между тем выбрала новой жертвой мисс Далтон. «Ну и ну, – думала она, смотря на них, – неужели никто не заподозрил меня? Четверо проголосовали против остальных четверых. Против Саймона, кроме меня, голосовала мисс Далтон. Значит, если она станет следующей и они не изменят и прежнего мнения, то при следующем голосовании снова всё будет зависеть от меня».

– Город просыпается и жители видят, что ночью «убили» мисс Далтон.

Эванджелина Далтон отдала свою карту.

– Мистер Блэр?

– Как и раньше думаю, – уверенно проговорил тот, – что это мистер Стивен.

– Мистер Фейбер?

– Естественно, мистер Картер! – говорил тот нарочито громко, будто бы актёр на сцене.

– Мисс Миллер?

Амелия Миллер, следуя старой, усвоенной с детства привычке, накручивала на палец прядь своих тёмных волос.

– Тысяча извинений, мистер Макадам, я всё ещё думаю, что это вы, – произнесла барышня.

– Доктор Картер? – спокойный и негромкий голос Гилсона

никогда не повышается до крика.

– Я снова – изрёк тот, – назову мистера Фейбера, наверно.

– Мистер Стивен?

Тот вновь назвал имя Блэра.

– Мисс Эванс?

– Мистер Картер, – произнесла Анджела, привычным жестом подпирая рукой щеку.

– Мистер Макадам?

Тот ответил как прежде.

– Итак, теперь осуждён доктор Картер – ещё один мирный житель. Город засыпает. Просыпается убийца.

Следующей жертвой стал молодой журналист Фейбер.

– Город просыпается. На этот раз «убили» мистера Фейбера.

Фейбер отдал карту.

– Мистер Блэр?

Лицо Ланселота Блэра озаряло тусклое мерцание свечей в кроваво-красном канделябре.

– Ей-богу, мистер Стивен! – воскликнул он.

– Мистер Макадам?

Тот не изменил своего мнения.

– Мисс Эванс?

Анджела назвала имя Блэра.

– Мистер Стивен?

Стивен ответил так же.

– Итак, осудили мистера Блэра – ещё одного мирного жителя. Город засыпает. Просыпается убийца.

На этот раз Анджела выбрала Джорджа Стивена.

– Город просыпается и видит, что на этот раз «убили» мистера Стивена. Мисс Миллер?

Амелия вновь назвала имя Макадама.

– Итак, всё ясно. Убийцей была мисс Эванс – покажите свою карту. Поздравляю, вы победили, мисс Эванс.

– Мистер Гилсон, – сказала Анджела, – мы ведь ещё поиграем?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.